

БЕКАРЫС НУРЖАН
МУСЛИМ БУЛАТ

ТЕНГРИАНЕЦ

18+

Бекарыс Нуржан
Тенгрианец

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Нуржан Б.

Тенгрианец / Б. Нуржан — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Дебютная повесть молодых авторов, написанная в духе лучших произведений Борхеса и Хантера С. Томпсона, действие которой разворачивается на Великом шелковом пути. Сочетание юмора с местным колоритом, отсылок к любимым писателям авторов, намеренных анахронизмов и пасхалок, обильно приправленных "приветами" к масскульту и знаменитостям локального масштаба, обещают сделать приключения героев новым словом в современной казахстанской литературе. В книгу также включено три рассказа на смежную тематику. В оформлении обложки использована графическая работа А. Осипова "Сумасшедший".

ТЕНГРИАНЕЦ

Пролог. Рукопись, найденная в Сарканде

Волею Всевышнего (всемилоствивого, всесильного), Орда (величаемая также Великая Орда или Золотая Орда), величайшее и величественнейшее государство со времен Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!), созданное волею Всевышнего (всемилоствивого и всесильного) и волями людей, движимых Его лишь провидением, (да простит меня Всевышний (в, в)!), – суть самое грешное, бездуховное и безверное государство со времен Сотворения Им мира.

Прошло уже почти сто лет с тех пор как под копыта монгольских коней легли все благословенные земли Турана и Ирана, дешта и территорий меж двух великих рек, двух великих морей, меж гор от Гималаев до Орала. С тех пор народы и города Орды не обрели ни веры единой, ни Бога (В, в, в), ни обычаев, ни письма, ни денег, ни языка, ничего, кроме земли, что под небом, и Пути на ней.

Милостью Всевышнего (Волею управляющего, всесильного), я, раб Его и слуга, Аляутдин ибн Хасан аль Син, веду свои записи на языке Его, Им данном и мной используемым. Но есть и те, кто не верит в Него. Есть те, кто верит в духов, демонов, богов, чудеса, поклоняется женщинам и дьяволам в их облициях, силам природы, звездам, небесам, горам и светилам, Луне и Солнцу (Его лишь волею созданных). Те, под дланью чьею Силою Его (всемилоствивого и всепозволяющего) мы, рабы Его, преисполнены силы существовать и служить, властители Орды, монголы, дети и потомки Темуджина, известного более как Чингиз Хан, те – самые безбожные и дикие, и нелепые в вере своей.

Защищаю и несу Веру свою всеми силами своими, но вынужден покорно служить и им, адским выродкам (зачеркнуто), дикарям, тем, что породил и привел сюда дешт. Пьют они лошадиную кровь, разбавляя с молоком ее. Призывают духов – лошадей, волков, медведей, ястребов (их всех считают они духами) – и веруют, что предки их – и только их – в духах этих обретаются.

Молятся камням (истуканам), холмам (курганам), оврагам и рекам. Приносят жертвы им, выпуская монеты, еду и кровь, животную и человеческую, в потоки этих рек, в дуновения ветров, в пыль и грязь земель, в высоту гор и глубины озер. Умерщвляют они плоть, веруя, что даруют им силы природы собственные силы и судьбы их.

Боятся они молний и грома. Большие боятся, нежели правоверный – гнева Всевышнего и ада. Сильных ливней боятся, метелей, саранчи, разливов рек и ледохода. Словно дети бездумные, не знают Бога они и гнева его. И веруют во всякую, да простит меня Всепрощающий, ересь гяурную.

Есть и другие в стране этой; здесь много, слишком много народов и племен. Кто-то – истинный правоверный, а есть и лицемеры, на словах верующие во Всевышнего, восхваляя его, но внутри себя, меж собою в своих темных жилищах, следует обрядам, Его унижающим и проклинающим. Есть христиане и иудеи, не могущие договориться, что есть Бог, что его день, а что дни людские.

Есть и те, что пьют вина без меры (зачеркнуто). Те, что едят мясо вепрей и прочих диких животных, не претворяя трапезу обрядами очищения мяса от скверны. И такие, что едят ящериц и змей, мышей и крыс, червей, тараканов и черных пауков, обитающих в пустыне. Некоторые думают, что через кровь и мясо получают они силу поедаемых животных.

Есть огнепоклонники с запада, сжигающие мертвецов своих. Веруют они, казаноголовые, что все происходит от огня и полымя и возвращается.

Есть и те, кто утверждает, что все вероисповедания суть бог или боги.

Или те, кто считает, что Бог подобен мочалу, впитывающему всех богов, духов и обряды да традиции.

Есть те, что считают, что нет Бога, ни Всевышнего, ни Мухаммеда, пророка Его, и что не пророк Его он. Что мир – пустота и тицета, и мы – лишь ничто. И что тицета жизнью наших – лишь круговорот вокруг пустоты. Что мир – лишь какая-то капля росы внутри цветка.

Есть те, что веруют в свет. Есть те, что веруют в тьму. В тьму! Как можно верить во тьму? Необузданные в греховных наслаждениях, подобно диким животным, они воют на луну, совокупляются безобразно, жрут и пьянствуют, грабят, убивают – и всё это под покровом тьмы, им благодетельствующей.

И все они, все, живут и благоденствуют в Орде. В Великой Орде! В Золотой Орде! Орда не запрещает ни один культ, ни одну веру, ни одну ересь, если почитатели оных готовы платить Орде и хану мзду налогами и податями. В Орде есть даже яхуди! Орда поощряет и защищает все возможные дикости и всех дикарей.

Таковы нравы страны сей. Пальцы слабеют мои, тускнеет свеча. Расходятся чернила по бумаге, дрожит моя кисть, и не могу я боле писать слова эти. Ибо мучает меня досада, обида и грусть, что вынужден я, раб Божий и слуга Его, соблюдающий все пять Его столпов веры моей, жить в этом порочном мире грубых, неотесанных, неверующих, беспечных и безразличных к вере других дикарей из дешта, что правят мною и нами волею Всевышнего, всемилостивого, всесильного.

И пусть я беден, пусть есть у меня только тюрбан, хлопковый халат, перо и этот заканчивающийся лист бумаги, я богат тем, что есть у меня Он, одаряющий меня верой, самым ценным из богатств...

Пролог второй. Рукопись, найденная в Самарканде

Полны мои амбары, полны мои стойла, полны и сундуки мои звенящих и блестящих монет. На разноцветных, ароматных от трав и специй базарах, мне лично или в партнерстве с купцами разных городов принадлежащих, в пятнадцати крупных городах Орды, всегда много людей. В лучших, просторных и самых прохладных караван-сараях на Пути, мною лично или моими беками управляемых, всегда есть путники. Тутовые деревья, нефритовые рудники, постоянно действующие экспедиции в дешт и горы за мехами диких и редких животных. Мануфактуры шелков, ковров, жестяной посуды, ювелирные мастерские. В моих чашах всегда много воды. В моих бурдюках полно верблюжьего молока и вина. Мёд, рахат-лукум, сушеные фрукты, халва, нуга, миндаль – на скатертях моих нет пустого места. Волею Всевышнего, Увеличивающего и Распределяющего, дарованы мне блага мира сего.

Я, Абу Джафар Аляутдин ибн Хасан Хияс-ад-дин Ямин аль Ассур ибн Бани аль Нипал аль Крёс аль Син, сын Божий и раб Его, купец и бек семи городов и трех стран. Личный друг хана, эмиров, султанов, шахов, падишахов, раджей, покровитель купцов, ремесленников, караванщиков, защитник убогих и бедных.

Я человек, известный и в Руме, и в Кефе, и в Моске, и в Мосуле, и в Герате, и в Хиве, и в Кашгаре, в городах на Яксарте – Яссах, Сайраме, Шаше, Дженте, Барчыне; а также в Дели, Багдаде, Каире, Янцзыне и Сеоле. Спросите в любом из этих городов имя Аляутдина – и к вам отнесутся с той необходимой толковой почитания, отведенного мне самому.

Я верую в Него, ибо Возвышает Он. Ибо велик Он, ибо дает Он силу, мощь, победу тому, кто хочет, возвышая Его. Соблюдаю я столпы моей веры все так же истово. Пускай не все друзья мои почитают Его, соблюдаю я пост и селят, плачу зякят, ходил я в хадж. Ибо прощает Он и тех, кто не верует в Него.

Орда, самое большое и сильное государство, когда-либо созданное на просторах дешта, величайшее в своей силе копыт сотен тысяч лошадей и миллионов стрел, могущественно не только в этом. Главное его богатство – ее дороги, на тысячи фарсахов простирающиеся к Мекке, в Византию, к Московии, Бухаре, Сианю и Дели. Тысячи дорог по тысяче фарсахов. На каждой из которых по тысяче городов и поселений, готовых принять по тысяче путников

в день. Каждый из которых имеет товаров на тысячу динаров. Се сонмы богатств, что множатся, как зерна риса на доске для шахмат. Благослови Всевышний того, что владеет этой доской.

В государстве, в котором ханы, султаны, эмиры, визири, беки и прочие власть имеющие образуют десятки, сотни, тысячи и целые тумены, сложно быть значимой фигурой. Однако же мне это вполне удается. Все потому что я уйгу... (зачеркнуто) богат. Как же я добился всех своих богатств? Это длинная, словно шелковый путь, извилистая, словно шелковый путь, запутанная история.

Я многое видел. Многое свершил. Я встречал выдающихся людей. Властители и поэты, купцы и путешественники, разбойники и ученые. Я торговал любым из доступных товаров, включая человеческую жизнь. Я писал книги, составлял словари тюркских народов, племен и произношений. Составлял трактат о классификации уйгурских усов в порядке их размера, формы, почета, уважения, размера богатств и так далее. Переводил на фарси с римского сочинение их поэта Али Гиери об аде и о Всевышнем, достохвальном. Строил мечети с голубыми куполами, прекраснейшие в своем служении Ему. Создавал рисунки для ковров в Хорасане. Многое я повидал в своей жизни.

Находясь теперь здесь, в Самарканде, величайшем и прекраснейшем из всех городов Орды и мира, я благодарен Всевышнему за все блага, богатства, мне дарованные, за моё положение и статус, ибо верую в Него.

Но да простит меня Милостивый и Милосердный, но греховен я. Готов я променять все блага, Им дарованные, на то, чтобы вернуть моего единственного друга, неверующего дикаря, Его волею мною потерянного, но не забытого. Ибо если жизнь – это торговля, и я в этой торговле преуспел, обменивая все благие поступки мои на место под прохладными ветвями Гулистанской благодатной тени, то нет мне прощенья, ибо Рай – не то, чего желаю я сейчас, когда ангел смерти уже порхает крылами своими над домом моим. А лишь встречи жажду с давно разлученным товарищем, о судьбе которого волею Всевышнего я не ведаю теперь ничего...

Город Син.

1

Итак, начинается моя история. Начинается она в городе Син, что на Шелковом пути. В городе этом родился я волею Всевышнего и по замыслу Его.

На самом деле, город этот не совсем на Шелковом пути стоит, а скорее немного одесную от его основной дороги, если смотреть в сторону Мекки.

Представьте себе миниатюру: две горы, одна чуть выше другой, между ними город, над городом расположена полукруглая стена. Через город насквозь по диагонали проходит дорога, утыкающаяся в стену, в которой ворота, а дальше – долина, ведущая в дешт. Эта дорога и есть Путь. Точнее, не совсем Путь, а его приток, каковой бывает у реки, небольшая дорога для караванов, которые не могут оплатить пошлину и постоя в других, более богатых и важных городах на Пути. Эту дорогу выбирают караваны попроще и те, что готовы рисковать встретиться в деште кровожадных кочевников, грабящих караваны. Стена города Син была выпукла в долину и была призвана защищать город, но едва ли была достаточно высока, чтобы выдержать осаду какого-нибудь сколь-нибудь умелого войска размером более двадцати человек с лестницей. Не знаю, зачем она была нужна.

Таков был мой город Син. Улицы его напоминали прожилки между зернами в плоде граната – они были кривы и узки. Дома и кварталы его вовсе не имели ничего общего с сочными, полными гранатовыми зернами, а скорее походили косточки от них. Они были кривы, узки и беспорядочно смотрели в разные стороны, накладывались друг на друга, так, что иногда две двери оказывались друг против друга. Или два окна. Или окно оказывалось на уровне нижней части двери напротив, так, что смотрящий в окно мог часто видеть множество выходящих из двери ног, но ничего более. Впрочем, это обычное явление для городов.

В центре города, вдали от стены находилась мечеть, и если обратиться к все той же миниатюре с изображением города, мечеть – это первое, что бросится в глаза (как и подобает любой мечети в любом городе на Пути). Казалось, она занимала половину города и была в два раза выше стены. На самом деле она была не такой большой, но имела важное место в городе и стояла на открытом пространстве. Её собственные стены были ровны и ослепительно белы; благодаря узким минаретам, стремительно возвышавшимся в небо, мечеть казалась еще выше, чем была. Она стояла слева от дороги, справа же вдоль нее шли многочисленные караван-сарай, соревновавшиеся в пестроте и причудливости своих крыш, дверей и окон, с целью привлечь путников, которые путешествовали по дороге. Здесь же находились большая баня, кузница, мастерские ремесел, лавки переписчиков, ростовщиков, астрологов и, конечно же, пёстрый городской базар. Чем ближе к стене, тем живее и больше людей встречалось вдоль дороги.

Слева же от дороги, на стороне мечети, находилась резиденция хакима, его дивана, дома приличных жителей города, мулл и имама. С этой стороны вдоль дороги росли тополя и протекал городской арык, заменявший городу реку.

В таком вот не бог весть значимом месте я, раб Божий Аляутдин аль Син, занимал не самое видное положение. Я был сиротой, мои родители покинули сей мир, когда мне едва исполнилось девять. С тех пор я работал везде, где нужно было уметь писать и считать, но грамотность моя не давала мне ничего, кроме пары монет, чтобы не умереть с голоду и от жажды, и некоторых знаний об истории и народах, которые я черпал из свитков, которые мне иногда давали переписать, а я с жадностью читал при свете самых дешевых свечей, отдававших овечьим жиром.

Жил я в маленькой комнате высотой с человеческий рост, доставшейся мне от покойных родителей. Дом мой находился снаружи стены, слева от городских ворот. То есть, если бы кровожадные кочевники из дешта всё-таки решили напасть на наш мелкий, никому не нужный город, они бы пришли и зарезали меня в ночи, пока я спал в своей комнатке. Поэтому по ночам я боялся и почти не спал, молился и читал всё, что попадалось мне в руки, поминутно вслушиваясь в тишину ночного дешта.

В одну из таких ночей, изучая прелюбопытный трактат об облициях иблиса, превращающегося в огромного черного зверя, рычащего по ночам, наводя страх, о чем засвидетельствовано почтенными жителями гор Памира и Бадахшана, я долго не мог заснуть. Дочитав до последней строки, я никак не мог выбросить из головы мысль о том, как иблис может оставлять в снегу большие следы лап с когтями, ибо если иблис летает по воздуху, то зачем ему ходить по снегу? Я погасил свечу и лег свою кушетку. Следы иблисовых лап так и стояли у меня перед глазами. На улице лил дождь.

Внезапно молния рассветила небо буквой «мим», и вместо грома я услышал грохот. Что-то ударило в дверь моего жилища. Что-то большое и страшное. А затем, в тот миг я мог бы поклясться всеми гуриями в раю, я увидел иблисову лапу в моем окошке перед дверью! Я взмолился Всевышнему, Хранителю и Спасителю, со всей силы голосом пытаюсь отогнать нечистого. Я зажмурился от страха, но в тот же миг сквозь веки передо мной мелькнул свет, и уже подумал я, что, открыв глаза увижу рай, как грохот пронзил землю, а затем за дверью послышался трепет и раздался вопль. Это ударила еще одна молния, и прогремел гром. А тот или то, что было за дверью, содрогнулся от страха. «Оно боится не меньше меня,» – подумал я и стал вслушиваться. Шорохи прекратились, но дальше я услышал что-то вроде скуления. «Не может иблис плакать,» – вновь я начал себя успокаивать. Наконец совладав с собой, я взглянул на окно. Дождь продолжал идти, а иблис сидел или лежал под дверью моего дома. Я подошел к окну и осторожно выглянул в него.

Было темно, и мой полуночный гость казался мне большим черным пятном у моей двери. Нужно было взять свечу, чтобы рассмотреть. Трясущимися руками, причитая всеми молитвами и проклятиями, которые я мог вспомнить, я нащупал свечу и огниво, кое-как зажег.

Теперь, чтобы разглядеть врага мне нужно было резко открыть дверь, что я и сделал. Моя свеча погасла от сквозняка, и в этот момент зверь ворвался в мои скромные покои...

Но он не напал на меня. Он точно влетел за порог и словно большой добрый пес прижался к полу, где и застыл недвижимо. В темноте я, полуживой от страха, разглядел большую, косматую голову, широкие плечи и торс, какую-то мешковатую одежду. То, несомненно, был не зверь и не иблис. То был...

2

«Джинн, – подумал я, – это джинн. Всевышний испытывает меня, посылая мне испытания в виде джинна из пустыни. Там они водятся, конечно. Существо скорее духа, нежели плоти, призвано оно расшатывать веру и толкать на небогоугодные поступки, а посему может принимать любые формы. Этот, – с любопытством, граничившим с неприличием, попытался я рассмотреть внешность пришельца, насколько это позволял мне тусклый свет ночного неба из окошка да зажженная маленькая свечка, – этот... волосат. Грязен, неотесан. Всевышний призывает меня соблюдать чистоту моей веры? Не распускать, подобно этим космам, греховные побуждения мои и мысли?»

Правоверному ни в коем случае нельзя вступать в контакт с джиннами, ибо слабы мы в вере нашей в такой же степени, насколько слабы в физической силе перед этими существами. Но природа этих существ столь таинственна и неизведана, что мне как человеку просвещенному и ищущему с дозволения Всезнающего, Призывающего постигать Его через науку, чтобы избавить наших потомков от соблазна призывать джиннов и разговаривать с ними, необходимо познать материю, из которой они созданы».

Что знал я о джиннах?

«Если он джинн, то создан, как и все джинны, из пламени. Не потому ли он так напуган, что боится дождя, который способен обжечь его кожу?» Размышляя в таком духе и наблюдая за тем, как массивное тело (или что там у джинна?) на полу моей каморки постепенно обретает признаки жизни, я пришел к показавшейся мне на тот момент замечательной мысли: как правоверный мусульманин и гостеприимный хозяин, я просто обязан предложить любому нуждающемуся и гостю, посетившему мою скромную обитель, хотя бы воды. Если он примет воду и выпьет её, то, стало быть, бояться мне нечего. Если же отвергнет, то это означает только одно: в груди его пламя, которого следует бояться и бежать».

Мысль о том, что мой гость – джинн, созданный из пламени, так заняла мою голову, что я вовсе запамятовал о том факте, что иблис, за которого я принял сначала моего гостя, тоже по своей сути является джинном.

В общем, я оглядел свою комнату в поисках кувшина с водой. Обнаружив оный в углу у окна, я, продолжая внимательно следить взглядом за моим едва движимым гостем, подошел и взял кувшин. Постаравшись, чтобы это вышло незаметно и неслышно, я прошептал в самое горлышко кувшина: «Бисмиллях!» – и подал его моему гостю со словами: «Воды?»

Мой гость поднял свою могучую, словно крона аравийской пальмы, голову, и увидев кувшин, резко, отчего я немного даже испугался, выхватил его из моих рук и с жадностью прижался к его горлышку.

«Он сотворил человека из капли».

3

– Какова твоя вера?

(Нет ответа.)

– Кто твой господь?

(Нет ответа.)

– Кто твой пророк?

(Нет ответа.)

Это было бесполезно. Мой гость слушал мои вопросы внимательно, но не отвечал на них. По выражению его лица было трудно установить, понимает ли он мой арабский.

– Каково имя твоё, незнакомец, которому я истинно и искренне желаю благоденствия, да благословит тебя Всевышний? – спросил я на литературном персидском.

Незнакомец предпринимал вполне себе человеческие усилия, чтобы понять, что я говорю. На лице его изобразилась борьба мысли за возможность проникнуть через темноту непонимания.

– Собачий сын! – вырвалось у меня на простом тюркском наречии. Я сказал это тихо, но мой собеседник явно меня понял.

– Если я пью твою воду, это еще не значит, что ты можешь считать меня своим псом, – резко бросил он мне.

– Так ты говоришь на нашем! – воскликнул я в удивлении. Как это я не догадался спросить шайтана из пустыни, не говорит ли он на языке этой самой пустыни.

Здесь следует сделать остановку нашего повествовательного каравана и рассказать об особенностях передачи местных языков. Будучи жителем города на краю между дештом и оседлыми горными районами, города Син, что на Шелковом пути, я, как и все мои соотечественники, говорил на нескольких языках.

Как правоверный мусульманин и владеющий грамотой горожанин, я использовал арабский для записи сделок, внесения информации о путниках в городской реестр, написания писем и прочей работы, за которые мне платили по медной монете за страницу.

Как переводчик и (что куда более важно) ревностный читатель книг, поэм и трактатов (в том числе того трактата об облициях иблиса), большая часть которых писана в Персии, Бактрии и южных улусах, я читал на фарси, не прибегая к словарям. Этот язык лучше подходит для описания чувств, явлений природы, решения математических, логических, шахматных задач. Как жаль, что поэты, пишущие на персидском, даже те из них, что носят тюркские имена, всё больше пишут о вине и женщинах, чем о благоденствии и скромности. Как жаль, что учёные, разгадывающие все загадки мира, не почитают в них Замысел Всевышнего.

Наконец, на городском базаре, в общении с заказчиками и соседями, некоторыми путниками я использовал (и продолжаю использовать и поныне) одно из местных наречий. В сущности, все местные наречия есть один и тот же язык. После того, как Чингиз хан пришел, а его сыновья остались править местными землями, тюрки, монголы и прочие племена были вынуждены найти общий язык, на котором они могли бы изъясняться друг с другом. Пускай дикари из дешта и лают, словно волки, их речь мне понятна больше, чем то, как говорят (или лучше сказать, хнычут?) китайцы на востоке. Я уйгур и рождён уйгуром, но говорю на языке, который принят в моём городе. Мы называем его языком улуса, но мне кажется, это просто пучок из тюркских и монгольских наречий, сотканный в один, относительно гладкошёрстный ковер.

Это удобно – знать три языка сразу. Молиться, читать и просто болтать, не мешая и не оскверняя, и не оскорбляя ни один из языков, ни его носителей. Можно, например, выразить на персидском вслух своё презрение к какому-нибудь весьма недалёкому торговцу овощами на базаре, для которого блеснуть цитатой из Фирдоуси – все равно что дать ослу Писанье. Сам так до сих пор делаю. Или рассказать китайцу на местном наречье, что-он-глуп-как-вол-и-сам-слеп-как-крот. Или, когда просит какая-нибудь малограмотная городская семья посоветовать какое-нибудь благочестивое имя из Корана для их новорожденного сына: это просто – берешь любое арабское имя и меняешь букву «фа» на местную «п» – получается местное имя. Например, Музаффар меняется на Музаппар. Джафар – на Джаппар, а лучше на Абдужаппар. Правда, с записью таких имен проблема. Музабар и Джабар не так благозвучны, как хотелось бы.

То из наречий, на котором заговорил незнакомец, тоже напоминало лай. Но незнакомец явно был тюрк, и понять его не составляло для меня никакого труда.

– Каково твоё имя... друг? – неуверенно спросил я, стараясь выглядеть как можно более безобидно.

Незнакомец нахмурился. Лицо его выразило еще большее непонимание, чем попытки понять мой бахромчатый персидский.

– Я... не знаю... не знаю имени... не помню своё имя я, – наконец выдавил он.

4

– В книге пророка Мусы (расуллях!), с которым говорил сам Всевышний, сказано, что когда Он создавал человека, ангелы на небесах начали сомневаться. Зачем, спросили они, Ты создаешь тело, лишённое крыльев, смертное тело, слабое тело? Зачем Ты, Непокколебимый, творишь разум, подверженный противоречиям, сомнениям, лжи, способный на предательство, жестокость и зло? Когда есть мы, ангелы, чистые и сильные, воинство Твоё и воля Твоя.

И отвечивший Всевышний: смотрите, ангелы, сами, и узрете вы. И первое, что сделал человек, в первый свой день жизни, было тем, что начал человек давать всему вокруг себя имена. Дерево в райском саду, плоды его, животные в нем, реки, холмы, небеса – всё человек стал называть именами. А вы на такое способны? – спросил ангелов Всевышний. И согласились ангелы с тем, что велик человек.

Стало быть, имя – самое важное, что есть у человека? Как его можно не помнить? Вот меня зовут Аляутдин. А как твоё имя, незнакомец?

– Если верить твоему рассказу, большую часть которого я не понял, человек сам себе имени не даёт, ему его дают другие люди, так?

– Да, но не знать своего имени...

– Я не говорю, что не знаю его. Я его не помню.

– Хорошо. Хорошо. Но помнишь же ты имена других? Как зовут твоего отца?

– Хм... Моего отца зовут... Его зовут... Нет, не помню.

– Кого же ты помнишь? Мать?

– Ммм... – незнакомец задумался. Прошло еще какое-то время, но из его гнездоподобной головы не вылупился никакой ответ.

– Не помнишь имя собственной матери? – Я был озадачен. – Стало быть, ты потерял память, – заключил я.

В ту пору я был неопытным юношей, разум которого питался одними лишь книгами. Моё осознание мира было несколько наивным, о чем можно судить по той рукописи двадцатилетней давности. Я был несдержан, слишком трепетно идеалистичен и не мог отличить множество полуправд и компромиссов от самой обычной лжи. И была среди книг, что я читал, одна, называемая «Трактат о небесах, о мире духов, джиннов и мирах, созданных Всевышним». В этой книге писалось многое о райских садах Бостан и Гулистан, описывались все блага, которые получают праведники после смерти, запахи райских деревьев, прохлада рек, облик гурий, еда, питье и одежды. Описывались также ангелы и джинны. Думаю, автор сей книги хотел показать, что рай подобен земле, а ангелы подобны людям. И что джинны, пусть и созданы из пламени и слышат, как на небесах разговаривают ангелы, тоже подобны людям. Как люди, они могут почитать Всевышнего и отрицать его, верить в него и не верить, служить добру, как в той арабской сказке, или служить злу.

«Мог джинн и потерять память. Мог и не помнить, верует ли он во Всевышнего или отринул Его. Впрочем, это не доказывает, что он джинн. Как и не опровергает, что он человек,» – рассуждения в моей голове о происхождении моего гостя не давали мне покоя.

– Ты хоть что-нибудь помнишь? – спросил я, – как попал сюда, помнишь?

– Помню, – неуверенно ответил мой гость. Его лицо озарилось на мгновение: – Вода с неба лилась, словно водопад из полноводной реки. Огненные стрелы обрушились на меня. Я бежал. Боюсь я огненных стрел более чем любых других. В деште негде спрятаться от них. Я

увидел свет в окошке и побежал в его сторону. Я стучал, а стрелы били где-то рядом. И вот я здесь.

«Он боится молний, – подумал я, – Джинны точно не боятся молний. Молния есть творение Всевышнего и дитя воли Его, посылаемое вместе с дождём и громом. Конечно, несомненно, на всё воля Всевышнего, и молния может и убить, но не все молнии убивают. Молнии – это вовсе не огненные стрелы, как он говорит. Это лишь явление, подобное ветру или снегу или огню. Бояться молнии – значит, бояться огня, не более того. А джинн, созданный из пламени, пламени бояться точно не может».

Я успокоил себя. Мой гость сидел спокойно и тихо. Я бы даже сказал, что он расслабился. Он грелся у свечи. Казался вполне себе человеком. Крепкая, тяжелая челюсть. Мясистые ровные уши. Большие черные блестящие глаза, глубоко посаженные под могучим лбом. Если, как говорят, на плечах человека во время его жизни сидит до тридцати ангелов, то на шее моего нового знакомого поместилось бы не менее сотни. Если, конечно, он человек.

Он уже перестал озираться и стрелять взглядом на обстановку моей комнаты, казавшуюся ему какой-то диковинной даже несмотря на всю её убогость. Его взгляд, казалось, был прикован к свече, отражавшейся в его чуть подкашивающихся глазах. Его голова чуть склонилась на сторону.

– Ладно, незнакомец, – понял я, – давай попробуем заснуть. Вот тебе, – я взял с моей лежанки свой халат – почти всё, что у меня было – и бросил его незнакомцу, – спи здесь, – я указал на пол прямо под ногами гостя. – А я буду спать здесь.

Мой гость как ни в чём ни бывало расстелил халат на полу и улёгся на него одним плечом (едва ли моего халата хватило бы на сколь-либо большую площадь). Я затушил свечу и лёг на своё место.

Погасшая свеча отразилась на моих веках двумя бесформенными фигурами, чуть закружившимися под потолком. «Джинны, – думал я, засыпая, – как вы мне надоели. Я очень, очень хочу спать. Отпустите меня ко сну».

Тут я услышал энергичный, словно полёт копья, храп. Мой гость пребывал если не в райских садах, то в местах, очень на них похожих.

5

Утром, проснувшись по обыкновению для саята, я открыл глаза и прислушался. Незнакомец уже не храпел, но мирно и довольно смачно посапывал в углу. Я попытался разбудить его принять дарет и совершить саят, но он лишь отмахнулся моим халатом и, причмокнув, продолжил спать. Подняв халат и надев его, я прихватил кувшин с водой и вышел на улицу: совершать саят в маленькой комнате со спящим великаном было как минимум неудобно.

Прямо во время саята, стоя лицом к дешту, я почему-то начал думать о чём-то постороннем. Какая-то мысль отвлекала меня. Собравшись, я закончил чтение суры, собрал коврик и сел на камень возле моей двери, решив додумать мысль до конца.

«Наверное, он всё же человек. Он не убил и не ограбил меня. Он мирно спит. Наверное, ему действительно было страшно вчерашней ночью. Но почему он ничего не помнит? Не помнит имени своего и Бога? При этом он помнит, как бежал от молний и увидел моё окно, – значит, память он потерял раньше. Надо помочь ему. Надо отвести его...»

Это решение было самым очевидным для меня. Единственным решением загадки моего ночного гостя было отвести его в город к имаму. Показать имаму, чтобы тот почитал при нём молитву – и память вернётся, рассуждал я. Вспомнит имя Всевышнего и Пророка его, а если не верует в них, то поверит. «Человек он или джинн, а уверовать во Всевышнего – может и должен,» – подумал я. Но тут же устыдился своей мысли, ибо была в ней скрытая двусмысленность-гордыня: уж очень праведно было бы мне обратить самого джинна в веру, слишком праведно.

Но решения отвести его в городскую мечеть я не переменил.

– Пошли в город, – предложил я, когда мой гость проснулся и вышел на улицу умыться из моего кувшина.

– Зачем в город? – громко отхаркивая, спросил он.

Мы сели завтракать. Я принес хлеб, две лепешки, купленные у узбека через два дома. Заварил чай и пригласил гостя к дастархану. Пока я читал дуа перед едой, мой гость взял одну лепешку, свернул её, как свиток, и отправил целиком в рот. Пока он, пусть с уже несколько меньшим рвением, разделялся со второй лепешкой, я налил чай и заговорил:

– А знаешь ли ты, друг мой, что в городе нашем есть прекраснейшее творение рук человеческих, по воле Всевышнего созданное? Высотою в целый ашл, возвышается над городом мечеть. О, она прекрасна! Стены её словно собраны из изумрудов...

– Что это за место? Что там есть?

– Ну, это мечеть. Дом Всевышнего. Как бы объяснить...

– Там есть ...? – и он указал на кусок лепешки прежде чем засунуть в свою глотку.

В тот момент я был готов обещать своему новому другу всё что угодно. Перед глазами моими встала картина райского сада таким, каким я его себе представлял.

– Конечно! – воскликнул я, – кристальный горный мёд, благоухающий солнечными лугами, рассыпчатый рахат-лукум, жирная и сладкая халва с фисташками, что крупнее персидских динаров, инжир, тающий на зубах, золотистые персики...

– А что-то более существенное? – перебил мой гость.

– Горы ароматного плова из свежайшей баранины. Казаны с мясом жеребцов, настолько молодых, что мясо само стекает с костей. Разнообразная птица, чьи ляжки и голышки так смачно похрустывают у тебя во рту.

Видимо, из-за того, что мой желудок был ещё совсем пуст с утра, я сам начинал верить в то, что говорю, живо представляя себе картины, невероятные и для самых красочных миниатюр и ковров Мерва и Хорасана.

– А что насчёт вин? – моего друга тема явно тоже начала интересовать. На мгновение вопрос этот смутил меня, ибо лукавить перед малознакомым дикарём – одно, а перед Всевышним – нечто куда менее соответствующее истинному правоверному. К счастью, он не дал грешной лжи выскочить из моих неуверенных уст:

– И женщины, там наверняка много прекрасных женщин. Это всегда так бывает, брат, – с видом человека, пытающегося доказать собеседнику какую-нибудь истину, говорил он, – там, где еда и питье и веселье, там всегда женщины – желанные гости. Это они умеют.

Он отодвинулся от дастархана и лег с мечтательным видом, о чём-то мечтательно вздыхая. Я закусил кулак и изобразил нечто вроде кивания, вовсе не означавшего никакой лжи.

– Пошли! – резко сев, сказал незнакомец. Он вскочил на ноги, едва не ударившись в потолок моей низкой комнатки.

– Но куда? – смущенный такой решительностью собеседника, отвечивал я.

– Туда, в эту, как ты сказал, мешт.

– В мечеть, – поправил я.

– Да, в мешит, – отвечивал он, – Пошли! Хочу поскорее увидеть всё это.

Я хотел было возразить, но он просто взял меня за пояс, сгреб в охапку вместе с моим рваным халатом и своими не менее рваными кусками одежды, и вышел на улицу. Так мы направились в город: он – пешком, а я – словно поклажа – на нём.

В своём описании города, данном в начале этого рассказа, я упустил несколько важных деталей. Город Син, при всей своей безмятежной провинциальности, ни в чём не сравнимой с пышностью и великолепием таких великих городов как Балх или Самарканд или Бухара, или Хива, или хотя бы Сарай, что на Едиле, всё-таки был городом. Более того, это была укреп-

ленная горная крепость, стена которой была рассчитана на то, чтобы отразить лобовую атаку дикарей-кочевников.

Помимо стены город защищал ров перед нею. Ров этот был глубок, грязен и смраден, ибо в него выливались все нечистоты города, собираемые единственным в городе арыком, который впадал в этот ров в непосредственной близости от городских ворот. Сами ворота эти были сделаны из железа и обиты крепчайшей в этих местах древесиной. Перед воротами, если смотреть с внешней стороны, был мост, по которому могли одновременно проехать две телеги или пять лошадей. Ворота и мост охранялись городскими стражниками из монголов и тех, что не знают имен своих родителей. Четыре ряда по два человека слева и два справа от ворот – итого шестнадцать пар глаз – словно войско на шахматной доске, наблюдали из бойниц за мостом круглые сутки. И это не считая стражников, которые впускали и намного чаще выпускали людей и караваны из города. Мост этот был самым защищенным в городе месте, не считая, разумеется, мечети, охраняемой самим Всевышним и ангелами его.

Вдоль стены, которая была широка настолько, что по ней могли разъехаться две лошади в разных направлениях, постоянно дежурили стражники, располагавшиеся не более чем в шестидесяти кадамах друг от друга. Там, где стена врезалась в горы, стояли небольшие, но крепкие и неприступные башенки, в которых число стражников я оценить не мог, но, сдаётся мне, эти точки тоже охранялись довольно неплохо.

Мой, как оказалось, вспыльчивый и быстрый в решениях друг мог оказаться в шекотливой ситуации, пытаясь пробраться в город. А вместе с ним и я. При лобовой атаке, которую, казалось, готов был предпринять мой решительный друг, едва ли у него (зачеркнуто) нас (зачеркнуто) него были шансы против армии, защищавшей мост. Столь эффективное оборонительное сооружение было посланием далеко на север в дешт: «Этот город с наскоку не взять»!

Впрочем, имелись в город и другие пути. Не для степных воинов, разумеется, а например, для тех его жителей, что жили за его стенами. То есть, тех, что были вроде меня. Нередко, выполняя какую-нибудь сложную и долгую работу по переписыванию книг или подсчёту проданных овец по заказу каких-нибудь городских купцов или духовенства, я делал её у себя дома, при свете свечи. Получал я такую работу обычно в городе, где-нибудь на площади у мечети или в районе торговых лавок у дороги, и тогда ходить от дома до заказчика и наоборот через мост было бы для меня слишком длительным и утомительным, особенно если в руках у меня бывали свитки с трактатами или счетные книги с расчётами.

Поэтому я ходил в город другим путём. В той правой, если смотреть снаружи, части города, в которой я, собственно, обитал, было много саманных домишек. В одном из таких жил и я. Домишки эти, с маленькими комнатами, кривые и грязные, стояли так плотно, что едва ли не друг на друге и в полном беспорядке, еще более запутанном, чем кривые улочки внутри города. И хоть отделял от стены города эти домишки глубокий ров, было переброшено через него несколько веревочных самодельных мостов, которые вели в отверстия в стене, а оттуда – в город. Такая архитектурная особенность города была удобна для её не самых благополучных горожан и вовсе не противоречила общей идее безопасности его. Снаружи из дешта город был всё ещё неприступен со рвом и стеною, а в случае нападения кровожадной конницы вряд ли её предводителям пришлось бы в голову соваться в бедный саманный пригород.

Всё это я пытался по мере своих сдавливаемых крепким объятием своего нового товарища сил объяснить ему по пути в город, но едва ли это у меня получалось. Лишь подойдя к воротам, он остановился и внял моим мольбам не идти на мост.

После моих долгих объяснений и его молниеносных порывов всё-таки прорваться через ворота он всё-таки внял моему предложению, хотя и остался недоволен, ибо не получил ответа на вопрос: зачем надо было тащиться так далеко, если потом всё равно возвращаться на полпути назад?

Я завёл его в саманный городок. В тесных и темных проходах между домишками я неплохо ориентировался, ведя за собой моего друга. Он же что-то ворчал и с трудом преодолевал узкие щели, едва протискиваясь плечом там, где я проходил всем телом.

Наконец мы подошли к краю рва. Перед нами кадамах примерно в пятнадцати возвышалась стена, покрывавшая тенью все ближайšie строения. В стене напротив нас, чуть ниже уровня наших глаз, было отверстие в форме арки. К нему вели три натянутые веревки: одна на метр в глубине рва, две по бокам от неё на два кадама выше – мост и перила.

– Пойдем, – сказал я и, спрыгнув на нижнюю веревку, ухватившись за «перила», прошел по ней и добрался до арки, влез в неё.

– Я... нет... не могу, – впервые в голосе своего нового знакомого я почувствовал неуверенность и даже смущение.

– Пошли, говорю! – подбодрил его я.

Но он не шел. Он пристально смотрел в глубину рва с явным ужасом. Я как-то привык ходить по мосту и даже не задумывался, насколько глубоок ров. Посмотрев туда же, я осознал, что для незнакомого с местными путями сообщения человека идея пройти по натянутому канату через пропасть в сорок кадамов может показаться несколько страшной. «Что же делать?» – подумал я в нетерпении. Ров смрадил невыносимо, несмотря на то, что я вроде бы привык не обращать на этот смрад внимания, а мой попутчик стоял неуверенно на том берегу и не двигался. Постояв с минуту, я вновь спрыгнул на канаты и, возвращаясь назад, заговорил с моим другом:

– Видишь, это просто. Держишься за канаты, балансируешь, не страшно.

– А вдруг она порвется? – указывая на веревку внизу, неуверенно возразил он. «С такой тушей как твоя, может, и порвется,» – подумал я, но вслух сказал:

– Она крепка и упруга. Три человека в самые загруженные дни по ней ходят одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.